пользы практической журналистике, нежели обучение «добровольной подчиненности» в рамках кодификационной парадигмы, которая со все большей очевидностью погружается в кризис.

Список литературы

Аврамов Д.С. Профессиональная этика журналиста. М., 2003.

Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Моральный выбор журналиста. Тюмень, 2002.

Бертран К.-Ж. С*О*О*С: системы обеспечения ответственности СМИ // Саморегулирование журналистского сообщества. Опыт. Проблемы. Перспективы становления в России. М.: «Галерея», 2004.

Казаков Ю.В. Вторая попытка — или все же другой горизонт? Со- и саморегулирование в российской медиасфере как опыт конструирования будущего // Прикладная этика для магистрантов и профессоров. Ведомости. Вып. 38 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2011.

Казаков Ю.В. На пути к профессионально-правильному. Российский медиаэтос как территория поиска. М., 2001; Тетради гуманитарной экспертизы. Вып. 1—6. Тюмень, 1999—2001.

Лазутина Г.В. Профессиональная этика журналиста. М., 2010.

Саморегулирование средств массовой информации. М., 2005.

Средства массовой информации и формирование гражданского общества. М., 2010 .

Хруль В.М. Религиозный этос как вызов универсальной журналистской этике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2011. № 3.

Хруль В.М. Религиозный этос как фактор регулирования журналистской деятельности: теоретические предпосылки и практические препятствия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 5

Хруль В.М. Религия и журналистика: христианские инициативы для преодоления «кризиса саморегулирования» СМИ // Правовые и этические аспекты журналистики. М.: Ф-т журналистики МГУ, 2010.

Journalism Ethics. A Casebook of Professional Conduct for News Media / F. Brown (ed.). Marion Street Press, Forth edition, 2011.

Norris Bill. Media Ethics at the Sharp End // Ethics and Media Culture: Practices and Representations / D. Berry (ed.). Oxford, 2000.

Reports on Media Ethics in Europe / K. Nordenstreng (ed.). University of Tampere, 1995.

Richards Ian. Uneasy Bedfellows: Ethics Committees and Journalism Research // Australian Journalism Review. 2009. Vol. 31. Issue 2. P. 35—46.

Поступила в редакцию
29.11.2011

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Н.В. Жилякова, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики журналистики факультета журналистики Томского государственного университета; e-mail: retama@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1905 ГОДА В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКЕ (по материалам томских газет «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник»)

В статье исследуются способы обхода цензуры провинциальной печатью в период первой русской революции, процессы завоевания свободы слова в Сибири. Проанализированы материалы крупнейших газет Томской губернии «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник» за 1905 год. Рассматриваются особенности отражения явлений общественной жизни в сибирской периодике.

Ключевые слова: *сибирская журналистика, первая русская революция.*

In article exploring methods of rounds of censorship in provincial press in period of the first russian revolution and processes of conquest of word-freedom in Siberia. Analyzing materials of biggest newspapers of Tomsk province "Siberian Life" and "Siberian Bulletin" in 1905. Considering particulars of reflection of phenomenons in public life in siberian periodics.

Key words: *Siberian journalism, the first Russian revolution.*

События 1905 года, ознаменовавшие начало Первой русской революции, — «Кровавое воскресенье», подъем забастовочного движения, Манифест 17 Октября и появление первых легальных политических партий, подавление Декабрьского вооруженного восстания и ряд других — имели ключевое значение для русского общества. Предпосылками революционных изменений были возникшие экономические, социальные, политические и национальные противоречия, но катализатором антимонархических настроений в обществе стала, несомненно, русско-японская война 1904—1905 годов. Недовольство политикой царского правительства увеличивалось с каждым новым поражением русских войск, а невозможность легально высказывать свое мнение вело все к большему общественному напряжению. Было очевидно, что страна стоит на пороге серьезных перемен.

Первая русская революция стала рубежом и для российской журналистики: ей «пришлось самоопределиться, осознать собственную, только прессе присущую роль в период общественных бурь и катаклизмов» [Махонина, 2002, с. 18]. Процесс самоопределения шел быстрее и был ярче выражен в столицах, Санкт-Петербурге и Москве; в российской провинции же он осложнялся

жестким цензурным режимом, который был преодолен только к концу 1905 года. Проследить отражение событий первой русской революции в провинциальной периодике позволяет анализ двух ежедневных общественно-политических газет, выходивших в Томске в начале XX века: «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник».

Сибирский город Томск до 1917 года являлся центром огромной Томской губернии, в нем располагались губернская администрация, управление Томского почтово-телеграфного округа, управление Томского округа путей сообщения, управление Западно-Сибирского учебного округа, православная Томская епархия, Томский окружной суд и другие учреждения. Город в начале XX века был крупным административным, промышленным, торговым, а также культурным центром: по числу всех начальных, средних и специальных учебных заведений и количеству учащихся в них он занимал первое место в Сибири. Здесь работали Императорский Томский университет, Томский технологический институт имени Императора Николая II, высшие женские курсы, «первые и единственные во всей дореволюционной Сибири» [Дмитриенко, 2000, с. 36].

В 1905 году Томск обладал развитой системой периодики: в городе выходило 6 газет и 9 журналов, преимущественно официального направления («Томские губернские ведомости», «Томские епархиальные ведомости», «Вестник Сибирской железной дороги», «Известия Томского городского общественного управления», «Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу» и т.д.). Наиболее влиятельными были частные ежедневные газеты «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник». Эти газеты были конкурентами на рынке сибирской дореволюционной периодики, занимая приблизительно одну «газетную нишу»: обе были ежедневными изданиями большого формата, либерального направления, относились к качественным органам периодики.

Газета «Сибирская жизнь» издавалась в Томске с 1897 года, ее основателем и редактором-издателем был сибирский предприниматель и меценат, просветитель П.И. Макушин, вторым редактором был его брат А.И. Макушин. «Сибирская жизнь» по праву считалась крупнейшей и самой распространенной газетой Сибири, в 1905 году ее тираж достиг 15 тыс. экземпляров.

Газета «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» (сокращенно «Сибирский вестник») издавалась в Томске с 1885 года, издательницей была М.Ф. Картамышева, редактором в 1902 году был утвержден присяжный поверенный Н.Н. Соин[1]. Тираж «Сибирского вестника» в 1905 году постоянно рос, перед закрытием издания был около 7,4 тыс. экземпляров.

[1] ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 3. Оп. 12. Д. 1010. Л. 1—2 об.

Структура как «Сибирской жизни», так и «Сибирского вестника» не отличалась от большинства провинциальных газет: на первой полосе публиковалась реклама, объявления, некрологи и телеграммы Российского телеграфного агентства, изредка небольшие передовые статьи по наиболее значительным явлениям местной или общероссийской жизни. Вторая и третья полосы (разворот) были отданы под новостные и аналитические рубрики, названия которых частично совпадали: «Из последней почты» (СЖ) — «Последние известия» (СВ), «Война» (СЖ, СВ), «Хроника Сибири» (СЖ) — «Сибирская хроника» (СВ), «Корреспонденции» (СЖ, СВ), «Томская хроника» (СЖ) — «Местная хроника» (СВ), «Вечерние телеграммы» (СЖ, СВ), «О чем говорят и пишут» (СЖ) — «Среди газет и журналов» (СВ), «»Русская жизнь» (СВ, СЖ), «Заграничная хроника» (СЖ) — «Иностранная хроника» (СВ), «Письма в редакцию» (СЖ, СВ), «Маленький фельетон» (СЖ, СВ), и др. Четвертая полоса обоих газет была занята рекламой и объявлениями.

Анализ освещения событий первой русской революции на страницах этих газет показывает, насколько тяжелым было положение подцензурной провинциальной прессы, которая не могла открыто писать о важнейших явлениях местной общественной жизни, раскрывает газетные приемы донесения важной информации до своего читателя в тяжелых цензурных условиях и процесс постепенного освобождения изданий от цензуры.

Хроника событий революционного 1905 года в Томске воссоздана в работах историков, которые обнаружили, что «уже второго января томская молодежь и студенты открыто пели революционные песни и читали прокламации в здании Общественного собрания» [Томск. История города от основания до наших дней, 1999, с. 169]. Однако об этом событии нельзя было узнать из газет. В 1905 году первый номер газеты «Сибирская жизнь» вышел 1 января, а второй — 4 января: в этом номере были помещены сообщения о событиях, происходивших в городе 2 января (рубрика «Томская хроника»): об экстренном общем собрании томского педагогического общества, об общем собрании мещанского общества, об ученических спектаклях и елке в Мариинской женской гимназии, но о собрании в здании Общественного собрания не сказано ни слова, как и в следующем номере — № 3 от 5 января — и всех последующих выпусках газеты «Сибирская жизнь». Информационная картина дня, создаваемая «Сибирским вестником», также не могла быть дополнена новостью о молодежных выступлениях в Общественном собрании — из-за цензурных условий.

Такая же ситуация сложилась и еще с одним событием, произошедшим в Томске в середине января и свидетельствующим о постепенном накаливании общественной атмосферы. 12 января 1905 года,

в «Татьянин день», «группа выпускников Московского университета <...> устроила банкет в Железнодорожном собрании. <...> Политических резолюций не предполагалось, однако радикально настроенная молодежь изменила мирное течение собрания»: участники банкета «призвали к вооруженному восстанию и стачке по линии железной дороги», причем «собрание приняло эти тезисы» [там же, с. 169--170].

В «Сибирской жизни» 150-летний юбилей Московского университета не прошел незамеченным, ему было посвящено несколько материалов: передовая статья Вл. Седого «После Татьяниного дня» (СЖ, № 11, 15 января); заметки в «Томской хронике» под названием «Юбилей Московского университета» (СЖ, № 12, 16 января) и «Адрес Московскому университету» (СЖ, № 13, 19 января), однако ни в одном из них не было упомянуто о вечере, организованном в Томске выпускниками столичного вуза. То же самое можно сказать и о газете «Сибирский вестник»: «Привет Московскому университету» газета передала в № 8 от 12 января, но не написала о том, как юбилей старейшей российской alma mater отметили в Томске.

Если события местной общественной жизни в «Сибирской жизни» и «Сибирском вестнике» до определенного момента «замалчивались» местной цензурой, то о трагедии 9 января и ее последствиях газеты могли писать более свободно, поскольку информация об этом содержалась в официальных телеграммах и в материалах столичных газет, которые выборочно перепечатывались в провинциальной прессе.

Обе томские газеты смогли сообщить своим читателям о «Кровавом воскресении» со значительным опозданием: только в № 8 «Сибирской жизни» и «Сибирского вестника» от 12 января было опубликовано официальное сообщение из Петербурга, в котором подробно описывалось произошедшее. С этого времени сообщения о расследовании январских событий появляются в каждом номере, но только в информационных рубриках «Телеграммы», «Русская жизнь», «Из последней почты», «Среди газет и журналов», «О чем говорят и пишут» и др.

Томские события 2 и 12 января 1905 года были достаточно локальными и относительно малочисленными, но демонстрация в память жертв расстрела в Петербурге, которая прошла в Томске на 9-й день после «Кровавого воскресенья» (18 января), насчитывала более 300 участников. Студенты, учащиеся, рабочие прошли по центру города, затем «их встретили полиция и казаки. На приказ разойтись демонстранты ответили выстрелами из револьверов. В перестрелке и последующем преследовании погибли один из четырех знаменосцев (И. Кононов) и посторонний мальчик, ранены

45 человек, в том числе шесть полицейских. Сто двадцать один человек был арестован» [там же, с. 170].

Подцензурная местная пресса не смогла адекватно отреагировать даже на это происшествие. «Сибирская жизнь» поместила два материала, в которых упоминаются «беспорядки 18 января»: это официальное «объявление от и.д. Томского губернатора», в котором томичи призывались «безусловно избегать всяких сборищ на улице» (СЖ, № 14, 19 января), и информационная заметка о прибытии в Томск прокурора омской судебной палаты Н.Н. Соболева, чей приезд «связан с событиями на улицах города 18 января, по поводу каковых событий ведется предварительное следствие» (СЖ, № 23, 29 января).

Необходимо отметить, что «Сибирский вестник», следуя традициям российской демократической прессы, находил способы обхода цензуры и сообщения своим читателям о «настроениях дня». В № 15 от 20 января в рубрике «Местная хроника» «Сибирский вестник» сообщал: «**От редакции.** Вчерашний номер нашей газеты вышел без городской хроники по той причине, что та типография, где печатается “Сибирский вестник”, вынуждена была закрыть ставни и затворить двери своей конторы и конторы редакции...

Во время уличных беспорядков 18 января большинство магазинов и лавок были закрыты, а также некоторые из типографий и казенных учреждений, как, например, канцелярия совета управления Сибирской жел. дор.

Несостоявшийся спектакль. Назначенный на 18 января в театре Королева бенефис г. Аржанникова (“Иванов” Чехова) был отменен в виду известных событий, имевших место в городе в этот день» (СВ, № 15, 20 января).

Несмотря на то что о самом событии — демонстрации, разгоне казаками, арестах и выстрелах — в газете ничего не сказано, однако читатель узнавал хотя бы о существовании каких-то «известных событий» в городской жизни в это время.

Характеристику общественной атмосферы газете удавалось отразить и в небольших заметках «Местной хроники», например по поводу нестабильной работы почты: «Нет газет. Вот уже более недели в Томске не получается петербургских и московских газет; провинциальные газеты, уже всецело по вине почты, получаются крайне неаккуратно. А между тем — время тревожное, богатое событиями и полное ожиданиями...» (СВ, № 19, 25 января).

Но даже уловки, применяемые для обхода цензуры, не позволили как «Сибирской жизни», так и «Сибирскому вестнику» осветить митинг 30 января, в день похорон Е. Кононова (участвовало около 200 человек); апрельскую забастовку нескольких сотен приказчиков, требовавших сократить рабочий день; майскую забастов-

ку извозчиков и булочников; массовку железнодорожников 14 мая и другие события политической жизни города [там же, с. 170—171].

Из всех событий общероссийского масштаба в начале 1905 года наибольшее внимание «Сибирской жизни» привлекла деятельность «Особого совещания для пересмотра действующих о цензуре и печати постановлений и для составления проекта нового по сему предмету устава» (СЖ, № 23, 29 января). По этому поводу автор «Сибирской жизни» М.Р. Бейлин написал материал «Несколько замечаний», в котором, обрисовав главные задачи нового совещания, особо остановился на самом важном для местной печати: «нужно думать, что подразделение на подцензурные и бесцензурные издания будет отменено и провинциальная печать будет освобождена от предварительной цензуры» (СЖ, № 23, 29 января). Эта заветная мечта всех деятелей провинциальных органов печати привела к тому, что практически в каждом номере в «Сибирской жизни» стали публиковаться сообщения об особом совещании: собственные материалы местных авторов (см., например, М.Б. «Заметка» — СЖ, № 25, 1 февраля), новости в разделах «Из последней почты», «О чем говорят и пишут», «Русская жизнь», и т.д. В № 41 от 20 февраля «Сибирская жизнь» поместила 6 портретов участников «особого совещания»: Д.Ф. Кобеко, П.В. Никитина, В.К. Случевского, К.К. Арсеньева, А.Ф. Кони, М.М. Стасюлевича; в этом же номере был помещен материал «О новом уставе о печати» (СЖ, № 41, 20 февраля).

«Сибирский вестник» довольно длительный период времени ограничивался помещением только официальных сообщений и перепечаток об «Особом совещании», однако с марта в газете также начинают печататься авторские материалы, посвященные его деятельности (см., например, «В совещании о печати» — СВ, № 67, 25 марта; «К вопросу о печати» — СВ, № 68, 27 марта, и т.д.).

Кроме работы Особого совещания «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник» освещали студенческие волнения в России, ход сражений русско-японской войны, учреждение «Булыгинской думы» («Сибирский вестник» характеризовал ее как «типичный плод бюрократического творчества» — СВ, № 167, 14 августа) и другие события общественно-политической жизни России. Контраст между все увеличивавшейся свободой прессы в столицах (как писал С.Ю. Витте, «пресса начала разнуздываться еще со времени войны; по мере наших поражений на востоке пресса все смелела и смелела» [Витте, 1960, с. 546]) и находящейся в «цензурном плену» сибирской печатью становился все более заметным. В разделах «Русская жизнь», «Среди газет и журналов», «О чем говорят и пишут» появились рубрики «По рабочему вопросу», «К аграрному движению»; рубрика «Телеграммы» порой представляла собой

хронику забастовочного движения (см., например, телеграммы от 8 мая: «Армавир, 5 мая. Забастовали приказчики. Асхабад, 5 мая. Забастовали приказчики. Житомир, 5 мая. Забастовали типографские рабочие. Лодзь, 5 мая. Большая часть ткачей покинула работу, требуя увеличения платы, и т.д. — СЖ, № 97, 8 мая). В рубриках же, посвященных томской жизни, не упоминались даже слова «забастовка» или «стачка», несмотря на то что забастовочное движение зарождалось и здесь.

Эта ситуация остро осознавалась томскими журналистами. 27 февраля 1905 года в Томске состоялось собрание деятелей печати, информация о котором появилась практически одновременно в обеих газетах: «Из совещания томских деятелей печати» (СВ, № 51, 6 марта, СЖ, № 52, 8 марта). В материале указывалось, что «редакторы, издатели и сотрудники томских периодических изданий “Сибирский вестник”, “Сибирская жизнь”, “Сибирский наблюдатель” и “Горные известия”, обсудив нужды сибирской печати в заседании 27 февраля», пришли к заключению о «полной и безусловной отмене предварительной цензуры во всех ее видах», «полной свободы обсуждения вопросов общественной и государственной жизни» и т.д., всего семь пунктов. Эти положения было решено «довести до сведения особого совещания о печати под председательством члена Государственного Совета д.т.с. Кобеко», а также «просить председателя этого совещания допустить к участию в его работах представителей томской периодической печати, имеющих быть избранными для этой цели собранием» (СВ, № 51, 6 марта, СЖ, № 52, 8 марта). Заключение подписали 34 человека — сотрудники, редакторы и издатели «Сибирского вестника, «Сибирской жизни» и «Сибирского наблюдателя».

«Сибирский вестник» в конце марта поместил заметку, свидетельствующую о том, что инициатива томичей не осталась незамеченной в Сибири: «перепечатав известное постановление томских литераторов о нуждах русской печати, “Енисей” говорит: “Охотно присоединяем и свой голос к заявлению томских деятелей печати”» (СВ, № 63, 20 марта).

Вопрос свободы печати в «Сибирском вестнике» рассматривался в целом ряде собственных материалов, так, например, в одном из фельетонов из цикла «Мысли вслух» был затронут вопрос о значении провинциальной печати. Ее состояние оценивалось фельетонистом не лучшим образом, хотя и в таком виде она играет свою очень важную роль: «Робкое “рабье” слово есть все-таки слово. Едва видная, по своей бедности, мысль есть все-таки мысль. Как бы ни была мала наша провинциальная аудитория, но она все-таки насчитывает тысячи человек. <...> В местных листках мы перебрасываем идеи столиц в глухие углы, и, право, вы от нас можете тре-

бовать только добросовестности» (СВ, № 130, 22 июня). Но главное предназначение, считает автор «Сибирского вестника», газета будет выполнять в будущем, когда она получит свободу: «Сибирский орган должен сделаться сердцем и мозгом своей страны <...> Свободная печать — это сила, и не будет самомнением, если скажу, что она станет душою обновленного края» (СВ, № 130, 22 июня).

Таким образом, свобода печати являлась для представителей провинциальной прессы принципиальным и самым животрепещущим вопросом нарастающей русской революции. Другие новые проблемы русской жизни — рабочий вопрос, политическая дифференциация общества — ставились и решались в газетах по-разному.

«Сибирскую жизнь» в первую очередь интересовали вопросы культурно-просветительского характера и область городского управления. Это было обусловлено интересами владельца газеты, П.И. Макушина, который основал первый в Сибири книжный магазин и имел значительный доход от продажи книгоиздательской продукции, имел собственную типографию, одновременно занимаясь благотворительностью и общественной работой. Его брат А.И. Макушин в 1905 году был городским головой (и вторым редактором «Сибирской жизни»), отсюда постоянное и глубокое освещение проблем городской жизни в рубрике «Томская хроника», отдельных статьях, а также в разделе «Маленький фельетон» (см., например, СЖ, № 124, 15 июня — о состоянии городской санитарии; произволе мелких чиновников — СЖ, № 126, 17 июня; о причинах низкого качества воды в Томске — СЖ, № 130, 22 июня; и т.д.).

«Сибирская жизнь» с большим вниманием следила за основанием и деятельностью томского Юридического общества: этой теме посвящен целый цикл материалов (см. СЖ № 68, 27 марта; № 70, 30 марта; № 74, 3 апреля; № 81, 12 апреля и т.д.). С позиций права газета оценивала изменения в русской жизни: регулярно публиковали в «Сибирской жизни» статьи профессора И. Малиновский («Общество и правительство» — СЖ, № 43, 23 февраля; № 45, 25 февраля, «Беседы по вопросам государственной жизни» — СЖ, № 56, 12 марта; № 59, 16 марта; № 60, 17 марта; «О земском самоуправлении вообще и о земстве в Сибири в частности» — СЖ, № 77, 7 апреля; № 78, 8 апреля; № 79, 9 апреля и т.д.); М. Соболев («К вопросу об осуществлении рескрипта 18 февраля» — СЖ, № 53, 9 марта) и другие.

В 1905 году П. И. Макушин выступил с идеей основания Народного университета («К проекту открытия в Томске народного университета» — СЖ, № 104, 19 мая), сделал крупный вклад в его фонд («На фонд Народного университета» — СЖ, № 113, 1 июня; «Народный университет в Сибири» — СЖ, № 114, 2 июня) и объявил о сборе недостающих средств. Эта тема на протяжении всего года

была одной из ведущих в газете, которая постоянно писала о том, кто и сколько пожертвовал на новую общественную инициативу (в рубрике «Томская хроника» первыми ставились новости под общим заголовком «В фонд народного университета в г. Томске»).

«Сибирский вестник» с воодушевлением отнесся к макушинскому начинанию. В майском номере была опубликована статья «Петру Ивановичу Макушину», связанная с «крупным пожертвованием до 100 тысяч на Народный университет в Томске». Жертвователь, П.И. Макушин, был охарактеризован газетой как человек, «немало уже потрудившийся на пользу народного образования» и в качестве многолетнего председателя городской училищной исполнительной комиссии, и в качестве инициатора и деятеля нашего общества попечения о начальном образовании»; его поступок — «прекрасный», «своевременный», «великая услуга святому делу народного просвещения» (СВ, № 92, 1 мая). Редакция заключила материал выражением сердечной благодарности Макушину и практически в каждом номере стала публиковать отчеты о сборе средств на Народный университет: она возлагала на него огромные надежды, считая, что «он должен быть — свободным глашатаем свободы, правды и добра!» (М. Г-берг. «Задача народного университета» — СВ, № 107, 23 мая).

Однако в большинстве материалов «Сибирского вестника» Макушин представлен прежде всего как капиталист, заинтересованный в выгоде: так, в заметке «Благодаря конкуренции» (СВ, № 73, 2 апреля) газета сообщила читателям о том, что Макушин «доставляет книги для железнодорожных школ с уступкою 15 процентов», «для школ города и в инспекцию народных училищ» — с уступкой 8 и 10 процентов. И если бы не конкуренция, он бы не увеличил скидку и для железнодорожных школ. Еще более жестко газета высказалась по этому вопросу в маленьком сообщении «Все по-старому»: «На днях у П. И. Макушина 8 мальчиков (фальсовальщиков), получавшие месячные жалование в размере от 2-х руб. до 5-ти руб., заявили желание получать больше. Ответом им было — увольнение семерых и прибавка одному, с тем чтобы он набрал вместо уволенных *девочек* [курсив «Сибирского вестника»]. Хозяин всегда остается хозяином» (№ 205, 7 октября). Подобного рода материалы корректируют современное представление о П.И. Макушине как о бескорыстном меценате: он был успешным предпринимателем, капиталистом, — об этом хорошо знали современники и относились достаточно объективно к его благотворительным начинаниям. Естественно, что такие материалы не способствовали особой «дружбе» между изданиями, которые находились в состоянии постоянной полемики друг с другом вплоть до закрытия «Сибирского вестника».

Если «Сибирская жизнь» особо не интересовалась политической жизнью города, то «Сибирский вестник» отличался повышенной чуткостью к этой сфере, отслеживая новые явления на общественно-политической «сцене» Томска. Так, авторы «Сибирского вестника» одними из первых узнали и сообщили своим читателям о том, что «в ближайшее время в Томске состоится открытие местного отделения пресловутого “Русского собрания”» (СВ, № 25, 1 февраля, рубрика «Местная хроника»). Эта новость была довольно критически воспринята газетой, которая писала: «Вот уж, воистину — добро пожаловать! Надеемся, что в Томске оно придется, что называется, “ко двору”». (СВ, № 25, 1 февраля). «Сибирский вестник», отмечая оживление «консервативной партии» в центре, в то же время фиксировал появление в Томске «кружка истинно русских людей», которые «вместе с Суворинym, Ярмонкиным и К°» «выдали себе патент на название “истинно русских интеллигентов”». Видя нарастающую опасность этого явления, газета призывала «противопоставить деятельность прогрессивных кругов общества» «фальсификаторам истины»: «все живые силы должны сплотиться» (М. Вознесенский. «Жизнь не ждет» — СВ, № 100, 13 мая).

Одним из показателей возросшей общественной активности в Томске стало основание новой ежедневной газеты «Сибирские известия», ее редактор-издатель М.Н. Кононов был в то же время владельцем типографии. «Сибирский вестник» поместил несколько заметок о будущем издании («Новая газета в Томске» — СВ, № 142, 7 июля; «Поправка» — СВ, № 145, 10 июля), пообещав читателям «еще несколько слов» сказать, когда выяснится общественно-политическое «лицо» газеты. Такая статья действительно появилась в одном из октябрьских номеров «Сибирского вестника» с заголовком «Опыт насаждения человеконенавистничества» (автор «Грин») (СВ, № 209, 12 октября). Газета констатировала, что «“Сибирские известия” выступили с определенной, резко очерченной физиономией»: «это — орган “русских людей”», которые «взяли для себя привилегию говорить за весь русский народ» (СВ, № 209, 12 октября). Рассмотрев отношение «Сибирских известий» к студенчеству, к предстоящим выборам гласных в Томскую думу, его методы полемики в стиле «Маленьких писем» Суворина, редакция пришла к выводу, что «слова — словами, а как только дошло до дела, так сквозь новый красивый грим начинают проглядывать безобразные черты» (СВ, № 209, 12 октября). И если у «лукавого старца» Суворина, на которого ориентируются «Сибирские известия», «с внешней стороны красиво и стройно», — «у наших домор ощенных патриотов своего отечества выходит и смешно, и некрасиво» (СВ, № 209, 12 октября).

Еще одним моментом, в котором видны различия между двумя томским газетами, был рабочий вопрос. В «Сибирской жизни» он освещался главным образом по материалам столичной и провинциальной прессы; в «Сибирском вестнике» же находился в зоне повышенного внимания. Газета писала о первой томской артели портных (СВ, № 41, 20 февраля), о «проекте устава союза томских работниц» (СВ, № 231, 16 ноября), о необходимости создания союза рабочих («Кое-что о рабочем движении» — СВ, № 232, 17 ноября) и т.д. Количество материалов увеличилось после утверждения 20 марта издателем газеты «Сибирский вестник» бывшего политического ссыльного, революционера-народника М.Н. Загибалова. На страницах «Сибирского вестника» публиковались зарисовки об условиях труда телеграфистов («Добровольный каторжник» — СВ, № 94, 4 мая), присяжных счетчиков казначейства («Как живут маленькие люди» — СВ, № 199, 28 сентября), книгопечатников («По поводу прискорбного явления в жизни книгопечатников» — СВ, № 201, 30 сентября), материалы о забастовках аптекарей (СВ, № 105, 20 мая), шапочников («Рабочие шапочники и хозяева торговцы» — СВ, № 120, 10 июня; «Конец забастовки» — СВ. № 122, 12 июня).

4—17 июля в Томске прошла общегородская стачка, организованная РСДРП. «Сибирская жизнь» никак не прореагировала на это событие: номера аккуратно выходили каждый день, в «Томской хронике» сообщалось об экспорте сибирского сливочного масла, праздничном отдыхе парикмахеров (№ 143, 8 июля), об отсутствии стульев в библиотеке епархиального братства, новой семидневной ярмарке в Томской губернии (№ 144, 9 июля) и т.д. Газета же «Сибирский вестник» в это время не издавалась «вследствие прекращения работ в типографии Н.И. Орловой, где это издание печатается» (СВ, № 146, 17 июля). В № 146 от 17 июля в фельетоне «Мысли вслух» описывался «летаргический сон печатного слова в г. Томске», случившийся из-за остановки типографий. Однако «Сибирский вестник» не упрекал рабочих за эту остановку: автор фельетона полон сочувствия к ним, считает, что они достойны «светлой доли», «сносного существования», «покоя и отдыха, которого книгопечатнику дали так мало...» (СВ, № 146, 17 июля). Фельетонист согласен с тем, что «так жить нельзя!», но из-за подцензурного положения газеты он не в состоянии дальше развить эту тему. Недаром к этому материалу было прикреплено объявление, набранное крупным шрифтом и резко выделяющееся на полосе: «Продолжается подписка на ПОДЦЕНЗУРНУЮ газету “Сибирский вестник”» (слово «подцензурную» было выделено самыми большими буквами). С этого времени объявление регулярно (раз-

два в месяц) появлялось в газете — в разных местах, но с одним и тем же текстом и принципом выделения слова «подцензурную».

От «Сибирской жизни» вторая томская частная газета отличалась также своей «областнической тенденцией». «Сибирский вестник» в 1905 году опубликовал целый ряд статей Н.Г. Потанина: «Бурятские поминки» (СВ, № 50, 5 марта), «Быть или не быть сибирскому областничеству?» (СВ, № 177, 27 августа, № 178, 28 августа, № 130, 22 июня), «Земская реформа в Сибири и инородцы» (СВ, № 185, 8 сентября), «Об автономии и многогранной личности» (СВ, № 192, 18 сентября) и некоторые другие материалы. Положению Сибири в прошлом и настоящем были посвящены материалы М. Вознесенского «Сибирские итоги» и «Думы» (подписаны псевдонимом «Друг») (СВ, № 102, 17 мая), а также один из фельетонов цикла «Мысли вслух». В нем фельетонист «Сибирского вестника» опровергает расхожую мысль о сущности областничества как «сепаратизма», говоря, что «не разъединения мы требуем, а союза»; необходимо только «освободить нас от подпорок» (СВ, № 117, 5 июня).

С 13 по 20 октября в Томске проходила политическая стачка, во время которой газеты не выходили. В это время все русское общество было «взорвано» Манифестом 17 Октября: он провозгласил свободу слова, собраний, союзов, обещал неприкосновенность личности, гарантировал выборы в Государственную думу. Однако обнародованный безо всякой подготовки Манифест вызвал неоднозначную реакцию россиян: начались еврейские погромы, в дело вынуждена была вступить армия. В Томске тоже было неспокойно. 18 октября казаки «разогнали и избили демонстрацию учащихся», а 20 октября в Томске произошел черносотенный погром, вызванный своеобразным «двоевластием», противостоянием томских либералов и патриотически настроенной частью населения. Во время погрома было сожжено здание службы тяги управления Сибирской железной дороги в центре города. Было «убито и сгорело 66 человек, в основном железнодорожные служащие, 129 человек были ранены. Погром продолжался три дня», и только «22 октября 1905 года войска разогнали погромщиков»[2].

С 16 по 25 октября «Сибирский вестник» не выходил; в первом же номере после этого перерыва (СВ, № 213 от 25 октября) в разделе «Телеграммы» был опубликован «Высочайший Манифест» от 17 октября, «Доклад гр. Витте о введении конституции», «Манифест стачечного Комитета», «Отставка Булыгина», «Беседа гр. Витте с редакторами газет» и другие материалы. Почти вся газетная площадь была отдана под телеграммы, скопившиеся в редакции с 17 по 22 октября.

[2] Томск от А до Я. Краткая энциклопедия города. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. С. 246.

Событиям, произошедшим в Томске 18—20 октября — демонстрации учащихся, разогнанной казаками, черносотенному погрому, — в газете посвящено несколько материалов. Первый из них с заголовком, выделенным траурной рамкой «Вниманию городского общества», призывал горожан и городское самоуправление к «умиротворению города», организации «помощи жертвам погрома, семьям раненых и убитых», помощи «следствию судебной власти в деле раскрытия совершавшихся на глазах у всех преступлений» (СВ, № 213, 25 октября). «Местная хроника» номера также была составлена из сообщений, касающихся черносотенного погрома: о начале следствия, сборе денежных пожертвований редакцией «Сибирского вестника» для жертв погрома, о возобновлении движения по Сибирской железной дороге и т.д. До конца 1905 года в каждом номере «Сибирский вестник» публиковал воспоминания участников этого страшного события, новые детали происшествия, а также некрологи погибших. В происшествии газета винила не только «чернь», но и администрацию, которая «оказала самое широкое, активное и пассивное содействие организованному черному террору» (Проф. Н. Кижнер «К событиям 20, 21 и 22 октября в Томске» — СВ, № 230, 13 ноября).

«Сибирская жизнь» не выходила с 17 по 26 октября; № 214 от 26 октября также начинался с публикации «Манифеста», телеграмм и других материалов. Осмысление произошедших событий в «Сибирской жизни» было дано в двух материалах, написанных «по горячим следам»: «На пути к правовому порядку» и «К обществу»; в «Томской хронике» была дана подборка материалов о томском погроме, в котором, по слухам, хотели «избивать евреев, студентов и железнодорожников», а в итоге пострадали представители всех слоев томского населения (СЖ, № 214, 26 октября).

«Сибирская жизнь» также печатала некрологи погибших, материалы о томском погроме, но для этой газеты погром имел и другие последствия: ситуация, когда А.И. Макушин и его семья чудом избежали страшной смерти, настолько ужаснула П.И. Макушина, что он отказался от дальнейшего ведения газеты. В номере 224 от 8 ноября на первой полосе было помещено объявление от Макушина, который «передал право издания оной профессорам Томского университета И.А. Малиновскому, Н.Н. Розину, В.В. Сапожникову, М.Н. Соболеву и Технологического института Е.Л. Зубашеву, Вл.А. Обручеву и прис. поверенному М.Р. Бейлину» (СЖ, № 224, 8 ноября).

Период после принятия Манифеста 1917 года «Сибирский вестник» характеризовал как «тяжелое время», но редакция была уверена: «все успокоится и войдет в обычные рамки, когда великие начала свободы и права войдут в жизнь, облекутся в соответствую-

щие законные нормы, когда для всего населения откроются законные пути к проявлению своих требований и желаний, то есть когда союз мнений и партий найдет себе поприще в стенах нормальной действующей Государственной Думы» (№ 215, 27 октября). Прежде всего, считала редакция, должны быть осуществлены свободы, «без которых немыслимо существование никакого правового государства», и главная из них — свобода печати, без которой «правильная политическая жизнь невозможна».

В № 230 от 13 ноября «Сибирский вестник» предпринял еще одну попытку освободиться от цензуры: газета сообщила читателям, что 8 ноября она послала в Петербург телеграммы — в Главное управление по делам печати, председателю совета министров графу Витте, в редакцию «Сын Отечества» с передачей Союзу защиты слова — с целью получить разрешение на выход без предварительной цензуры. Ответом на это выступление было телеграфное сообщение от начальника Главного управления по делам печати: «Новый закон о печати будет обнародован на днях». Несмотря на то что прямого освобождения от цензуры в этом ответе не прозвучало, редакция «Сибирского вестника» сочла новость вполне положительной: «Не зная текста нового закона, трудно, конечно, судить о его достоинствах и недостатках, но можно сказать одно: прежнего произвола больше не будет. Итак, поздравляем читателей с торжеством свободного слова» (СВ, № 230, 13 ноября).

В октябре—декабре политическая жизнь России и Сибири освещалась в каждом номере «Сибирского вестника»: газета призывала к защите конституционных прав, к активности населения во время выборов в Государственную Думу, к поддержке сибирских областников, которые приняли решение участвовать в выборах «с целью добиться проведения в жизнь основных положений Сибирского областного союза» («Готовьтесь к выборам в Государственную Думу!» — СВ, № 234, 19 ноября). Отдельный материал «Сибирского вестника» был посвящен разъяснению понятия «свобода собраний и союзов» — для чего они служат, чьи интересы защищают, что значит «явочным порядком» (А. Соколов «Свобода собраний и союзов» — СВ, № 235, 20 ноября). Сама же газета все сильнее симпатизировала социал-демократии; кроме материалов о рабочих, о необходимости союзов трудящихся в газете публиковались стихотворения «Гимн свободных рабочих» (Дружно, товарищи, в ногу), «Песня свободной России» (Отречемся от старого мира) (СВ, № 235, 20 ноября), а также объявление от РСДРП с примечанием от редакции, которая отметила, что «глубоко сочувствует идее пробуждения самосознания трудящихся масс и поднятия их общего умственного развития», хотя и «далеко не разделяет тех приемов и путей, которыми идет РСДРП в деле осуществления этой идеи»

(СВ, № 240, 27 ноября). Таким образом, политическое самоопределение газеты состоялось в радикальном, социал-демократическом лагере.

Мечта о свободе от цензуры для «Сибирского вестника» воплотилась в жизнь 6 декабря: № 247 вышел без предварительного досмотра (первый бесцензурный номер «Сибирской жизни» — № 243 — вышел еще 2 декабря). На содержании газеты это практически не отразилось, поскольку «Сибирский вестник» «явочным порядком» уже завоевал собственную «свободу слова». Однако уже в конце декабря в «Местной хронике» появилась информация о том, что «Г. цензор Виноградов снова конфисковал наш рождественский номер; взято свыше 250 №№, остальные номера (свыше 7000 экземпляров) разошлись до ареста» (№ 263, 29 декабря). Из этого сообщения становилось ясно, что полностью от цензурного гнета «Сибирскому вестнику» избавиться не удалось; а 31 декабря 1905 года газета была закрыта «по телеграфному распоряжению командующего войсками Сибирского военного округа Сухотина, в силу военного положения». Эта новость была опубликована в единственном номере новой газеты «Вестник Сибири» (1906, № 1, 1 января): как содержание, так и оформление «Вестника Сибири» — за исключением заголовка — было полностью идентично «Сибирскому вестнику»; вероятно, поэтому он уже после первого номера был закрыт навсегда.

«Сибирская жизнь» еще до передачи в руки профессоров начала печатать материалы о политике, но при новой редакции стала гораздо больше внимания обращать на эту сферу, отмечая создание политических партий в Сибири (СЖ, № 224, 8 ноября), выход первой социал-демократической газеты в России (СЖ, № 224, 8 ноября), разбирая особенности конституционного государства (№ 226, 10 ноября) и т.д. В «Сибирской жизни» появились новые темы: материалы о «лиге борьбы против смертной казни» (СЖ, № 229, 13 ноября; № 230, 16 ноября), о профессиональных союзах рабочих (СЖ, № 234, 20 ноября), о выборах в Государственную думу. «Сибирская жизнь» самоопределилась в лагере кадетов, о чем свидетельствует публикация материалов о деятельности конституционно-демократической партии и ее томского отдела (СЖ, № 246, 6 декабря; № 247, 8 декабря; № 251, 13 декабря, и т.д.). Можно констатировать в целом, что смена редакции явно пошла на пользу «Сибирской жизни»: она стала более яркой, разнообразной, многотемной и потому более интересной, чем прежде.

Таким образом, для провинциальной прессы 1905 год стал поворотным пунктом прежде всего в отношении предварительной цензуры, от которой она наконец избавилась. Отражение революционных событий 1905 года на страницах газет «Сибирский вест-

ник» и «Сибирская жизнь» показало процесс постепенной «политизации» как сибирского общества, так и средств периодической печати, увеличение интереса к рабочему вопросу, к партийной жизни. Путь, который прошла провинциальная периодика в 1905 году, позволил преодолеть «отставание» ее от столичной периодики, «синхронизироваться» с общероссийской журналистикой. Поэтому в дальнейшем многие процессы в периодической печати Сибири шли одновременно со столичными (расцвет сатирической журналистики в 1906—1907 годах, появление партийных органов печати и др.).

Существование двух ежедневных газет в Томске — «Сибирского вестника» и «Сибирской жизни» — позволило дифференцировать информационное поле на принципах взаимодополнения. «Сибирская жизнь» отразила изменения в культурной и просветительской сфере России, Сибири, Томска в 1905 году; «Сибирский вестник» зафиксировал начало и развитие рабочего движения, проникновение идей социал-демократии в легальную провинциальную периодику, трансформацию сибирского областничества на новом этапе. Все это позволяет говорить о том, что сибирская периодика в силу своих возможностей принимала самое активное участие в освещении первой русской революции, держала сибирского читателя в курсе происходящих событий и формировала у него чувство сопричастности к общероссийским политических процессам.

Список литературы

Дмитриенко Н.М. Сибирский город в XIX — первой трети XX века. Локально-историческое исследование на материалах Томска: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Томск, 2000.

Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М.: Флинта, Наука, 2002.

Томск. История города от основания до наших дней. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1999.

Поступила в редакцию
08.01.2012